

DOI 10.15393/j9.art.2016.3562

УДК 821.161.1.09“17”

Вячеслав Анатольевич Кошелев*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Новгород Великий, Российская Федерация)*

anatoly.koshelev@novsu.ru

ГИМН «НА ПРОГНАНИЕ», ИЛИ «АПОКАЛИПСИС ПРЕЛОЖИТЬ» (о поэтике позднего Г. Р. Державина)

Аннотация. В статье представлен анализ позднего произведения Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года». Сам автор считал это громадное (646 стихов!) стихотворное рассуждение, в котором нашествие Наполеона соотнесено с приходом Антихриста, определяющим в контексте своего творчества. Между тем поэты младшего поколения восприняли его как прямой показатель «старческого маразма» увенчанного славой творца. Действительно, построение «Гимна...» было оригинальным: Державин передавал в поэтических метафорах содержание евангельского Откровения Святого Иоанна Богослова и тут же корректировал его в пятьдесят одном прозаическом примечании, где указывал на текущие события, почерпнутые из средств массовой информации или из современных анекдотов и слухов. Все это организовывало нетрадиционное целое, оказывавшее особенное воздействие на читателя. Державин провел своего рода поэтический эксперимент, разрабатывавший значимые литературные приемы: поэтику корректировки «высокого» лирического высказывания «деловой прозой» примечаний; поэтику волнения при поэтическом осмыслении события; поэтику сопряжения «сиюминутного» авторского текста и «вечного» текста Евангелия. Эти литературные приемы впоследствии были востребованы во многих образцах русской поэзии «серебряного века».

Ключевые слова: гимн, Отечественная война, зверь, архангел Михаил, патриотические мотивы

О Россѣ! о добльственнѣй народѣ!
Единственнѣй, великодушнѣй,
Великѣй, сильнѣй, славой звучнѣй,
Изящностѣй своихъ добротъ:
По мышцамъ ты — неутомимѣй,
По духу ты — непобѣдимѣй,
По сердцу — простѣй, по чувству — добрѣй,
Ты въ щастѣй — тихѣй, въ нещастѣй — бодрѣй,
Царю — радушенѣй, благороденѣй,
Въ терпѣнѣй — лишь себѣ подобенѣй!

Державинѣ

Это эпиграф к первой части известной антологии «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», вышедшей в Москве весной 1814 года и вживе отразившей эпоху. Взят он из стихотворения Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года». Впервые этот «Гимн...» был напечатан в десятом «Чтении в Беседе любителей русского слова» в феврале 1813 года — и вскоре вышел еще отдельным изданием¹. В составе же самого «Собрания стихотворений...», посвященного Отечественной войне, он занял первое место (с. 2–27): среди авторов Державин был самым именитым и самым заслуженным поэтом.

«Гимн...» Державина, явленный в судьбоносное для России время, мыслился как этапное творение «певца Фелицы», как осмысление им художественных принципов «лирической поэзии» как таковой (над ними поэт особенно много размышлял в последние годы жизни [7, 103–131]). Напечатанный неоднократно в разных изданиях, восхваленный в заседаниях петербургской «Беседы...» и в московском журнале «Русский вестник» С. Н. Глинки², этот гимн как будто претендовал на то, чтобы стать самым «казовым» творением позднего Державина — и вызвать (как в свое время «Фелица») целый хор откликов современников, призванный увенчать лаврами престарелого автора. Но нет — не вызвал...

Писатели младшего поколения не смогли этого творения оценить. Более того, они восприняли «Гимн...» как произведение впавшего в маразм сочинителя — образец словесной «нелепости». Уже после смерти Державина известный остроумец Д. В. Дашков в «арзамасской» речи изобразил литературные «похороны» поэта: за его гробом сумасшедшие «беседчики» «несли груды тяжелых свитков, на которых сквозь покрывавшую их плесень я с трудом прочитать мог заглавия: “Гимн Лиро-эпический”, “Евпраксия”, “Василий Темный”, “Кутерьма от Кондратьев”» (все — названия поздних произведений поэта; из них «Гимн...» — на первом месте). Потом оказывается, что лежащий в гробу творец этих произведений — просто «безобразный призрак», а «истинный певец Фелицы, сияя бессмертием, сидел на облаке с Ломоносовым и Петровым» [2, 399].

Как отметил О. А. Проскурин, здесь отразилась общая мифология восприятия Державина в культуре начала XIX столетия. Сосуществовали как будто «два Державина»: первый русский поэт, национальный гений («истинный певец Фелицы») — и вздорный «старик», автор «нынешних», скучных и маловразумительных, сочинений. И распространяемый во многих перепечатках «Гимн...» стал самым принципиальным текстом, отражающим существо творческих исканий позднего Державина [8, 360–363].

«Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года» представляет собой громадное (646 стихов!) стихотворное рассуждение, в котором нашествие Наполеона соотнесено с приходом Антихриста. В тексте рассыпаны цитаты и намеки на книги Ветхого и Нового Завета. При этом особое внимание уделено Апокалипсису: Наполеон и его окружение воплощают апокалиптическое, мировое зло («Изшелъ изъ безднъ огромный звѣрь...» (2)); адским силам противостоит Россия во главе с Александром-«агнцем», носителем светлого, божественного начала («Смиранный, кроткій, но чело-перунный...»), а спаситель России Кутузов уподобляется соименному ему архангелу Михаилу. Упомянутся в «Гимне...» Платов, Витгенштейн, Багратион, битвы при Бородине, Малоярославце и т. п. Все это описано тяжелыми (с переборами ритма) стихами, синтаксис сложен и запутан, по всему тексту обильно рассыпаны архаизмы и новообразования, усиливающие маловразумительность целого.

Младшие современники «старика Державина» восприняли это сочинение (для автора — принципиальное и «казовое») как прямой показатель «старческого маразма» увенчанного славой творца, который к тому же отражал «маразм» современной словесности. Будучи поставленным на первое место среди «стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», «Гимн...» должен был демонстрировать несомненный литературный «упадок» (см. об этом также: [1, 68–70, 78–82]; [5, 44]; [6, 84–97]).

Именно так воспринял державинский «Гимн...» лицеист Пушкин. Во второй половине 1815 года (уже после знаменитого лицейского экзамена, знаменовавшего символический

акт литературной преемственности) он пишет литературно-полемическую сатиру «Тень Фон-Визина». Она явно ориентирована на батюшковское «Видение на брегах Леты», хотя исходная ситуация ее несколько иная. Из загробного мира является единственный «судья» — Фонвизин — с целью «Пѣвцовъ Россійскихъ посѣтить / Иныхъ — лозами наградить, / Другихъ — вѣнкомъ увить свирѣли...»³. С этой целью он посещает многих здравствующих писателей: П. А. Кропотова, Д. И. Хвостова, П. И. Шаликова, А. С. Шишкова и др. Устав от «худыхъ писцовъ», Фонвизин появляется у старого приятеля, бывшего «пѣвца Екатерины»⁴, который — «увыл!» (восклицание Пушкина, курсив мой. — В. К.) — еще жив. Державин читает своему другу и «судье» сочиненный им «из Гимнов Гимн прямой». В пушкинской пародии он кажется бессмысленным набором фраз:

“Открылась тайнъ священныхъ дверь!..
 Изъ безднъ изходитъ Луциферъ
 Смиренный, но челоперунный.
 Наполеонъ! Наполеонъ!
 Парижъ, и новый Вавилонъ,
 И кроткій Агнецъ бѣлорунный
 Превосходясь, какъ дивій Гогъ,
 Упалъ какъ духъ Сатанаила,
 Исчезла демонская сила!...
 Благословень Господь нашъ Богъ!...”⁵

Судя по этой пародии, Пушкин очень внимательно читал державинский «Гимн...». Он берет реальные (или чуть измененные) его строки и, соединяя намеренно хаотически, составляет своеобразную «выжимку», обесмысливающую источник. Эта пародия и следующая за ней характеристика Державина как поэта, пережившего свою славу, была литературной дерзостью — не случайно Пушкин скрывал авторство этой сатиры...

При этом ироническое восприятие «отцветшего» «певца Фелицы» не мешает относиться к Державину как к поэту «истинному» и «великому». «Что сделалось с тобой, Державин?» — восклицает, выслушав его творение, Фонвизин. А Пушкин не удерживается от беспощадного юношеского, почти кощунственного упрека:

“И спотыкнулся мой Державинъ
Апокалипсисъ преложить —
Денись! онъ вѣчно будетъ славенъ
Но, ахъ, почто такъ долго жить?”⁶

Странным образом принципиальное для Державина произведение (по которому будут характеризовать поэтику позднего Державина) очень плохо укладывается в его биографию. Так, «Гимн...» только мимоходом и «кстати» упоминается в капитальном исследовании Я. К. Грота «Жизнь Державина» (отмечается его непонятно откуда взявшееся «мистическое направление» [4, 615–616]). Непонятно, например, когда это огромное стихотворение (по объему равное главе из «Евгения Онегина») писалось. Само «прогнание французов из Отечества» состоялось в декабре 1812 — январе 1813 года (11 декабря русские войска вступили в Вильну, 28 января — в Варшаву). А уже 30 января 1813 года цензор допускает державинский «Гимн...» к печати.

Если попробовать рассмотреть контекст написания этого произведения, то оно оказывается *между* балладой «Царь-девица» (1812, в рукописи имеет подзаголовок — «Романс») и балладой «Новгородский волхв Злогор» (1813) — обе весьма далеки от мистики... Свои мемуарные «Записки из известных всем происшествиев...» Державин завершил, как известно, именно войной 1812 года, упомянув в конце свое, тоже отнюдь не «мистическое», письмо к Александру I из Новгорода «о некоторых к обороне служащих мерах»⁷. Откуда же тогда явилось «мистическое направление» в «Гимне лиро-эпическом...»?

Если рассмотреть этот «Гимн...» в контексте упомянутого «Собрания...», посвященного 1812 году, то нельзя не заметить — даже в заглавии — его существенное отличие от остальных поэтических произведений, антологию составивших. Уже второй текст, следующий непосредственно за «Гимном...» и принадлежащий перу попечителя Московского университета П. И. Голенищева-Кутузова, носит вполне «правильное» и соответствующее традиции заглавие: «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества». Не какой-нибудь «гимн», относящийся почему-то сразу к двум литературным родам, — а «ода». И «нормальный»

для оды объем: 16 одических (десятистишных) строф. И — без всяких новообразований — воспеваает не «прогнание» врагов, а их «истребление» и «изгнание».

Но для Державина важно именно новообразованное «прогнание». «Изгнание» — слишком высокое понятие для определения бегства армии Наполеона («изгнание Адама и Евы из рая»). Французов именно прогнали — что называется, «поганой метлой»! По той же причине он, например, употребляет по отношению к русскому народу слово «добльственный» (а не «доблестный»). В «Словаре Академии Российской» оба эти слова указаны как синонимы исходного понятия «доблий» («мужественный, твердый, великодушный»)⁸. Но слово «добльственный» выглядит более архаичным — следовательно, более торжественным.

Столь же щепетилен он и в жанровом обозначении. Не «ода» — а «гимн». При этом в теоретических представлениях самого Державина («Разсуждение о лирической поэзии, или об оде», 1812) *ода* и *гимн* — очень близкие понятия: «Ода, слово греческое, равно как и псалм, знаменует на нашем языке песнь. По некоторым отличиям, в древности носила на себе имя Гимна, Пеана, Дифирамба, Сколии, а в новейших временах иногда она то же, что Кантата, Оратория, Романс, Баллада, Станс и даже простая песня»⁹. В подобном «расширении» представлений об оде повинен был, между прочим, сам Державин. Былая поэтическая слава «певца Екатерины» основывалась на том, что он ввел в поэзию «забавный русский слог» (курсив мой. — В. К.). Этот *слог* означал полный отказ от иерархической системы классицистических «штилей», установленной Ломоносовым, смешение лексики, уничтожение жанровых перегородок и — размывание главного лирического жанра — торжественной оды. У Державина все стихи стали называться «одами». Ода выступила даже синонимом «лирической поэзии» как таковой.

Но сам Державин особенно выделил *гимн*: «Гимн парением своим несколько ниже Оды. <...> Гимнами Евреи в разных случаях воспевали истинного Бога и чудеса Его, а язычники — поклоняемых ими богов и человек, прославившихся знаменитыми подвигами. <...> Гимны содержали в себе часть

религии и нравоучения. Они певались при богослужении, ими объясняемы были оракулы, возвещаемы законоположения, преподаваемы, до изобретения письмен, славныя дела потомству и проч. <...> Пели Гимны при восхождении солнца, при наступлении ночи, при новомесячии и ущербе луны, при собирании жатвы и винограда, при заключении мира и при наслаждении всякаго рода благополучием, а равно и при появлении войны, морового поветрия и какого-либо инаго бедствия, не от одного или нескольких молебщиков, но от лица всего народа. Чрез Гимны возносились благодарения, славословия, моления и жалобы божествам. Гласы их были гласы благоговения, наставления, торжественности, радости, великолепия, или вопли негодования, сетования, мщения, уныния, плача и печали»¹⁰.

В представлениях Державина *гимн* — самый ранний (еще — с языческих времен!) и самый яркий образец именно *лирического* творчества. Он может отразить «чувства сердца в рассуждении какого-либо предмета, а не действия его». И далее: «Где же останавливаются на действии, тут уже сближаются к Эпопее»¹¹. Эпопея же (как констатировал по следам Державина Н. Ф. Остолопов) «есть повѣствованіе въ стихахъ о какомъ либо знаменитомъ и достопамятномъ дѣяніи», «есть *подражаніе* (курсив мой. — В. К.) дѣянія знаменитаго, величественнаго и полнаго (совершеннаго, цѣлаго, т. е. имѣющаго начало, средину и конецъ), повѣствуемое высокимъ слогомъ, служащее къ потрясенію души чудесностями и услаждающее оную пріятностями»¹².

Державину же в данном случае важно отразить то «чувство сердца», которое вызвало у него ярчайшее национальное *действие* — «прогнание» нечестивого завоевателя. Поэтому то, несколько вычурное и необычное, жанровое обозначение, которое он дает, оказывается абсолютно точным и даже единственно возможным.

Семантика отраженного действия тоже, при ближайшем рассмотрении, оказывается глубоко продумана. Современный исследователь «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» отметил яркую его особенность — это была первая «*поэтическая* история войны между Россией

и Францией», имевшая вполне прагматическую цель: «продемонстрировать патриотическое единение русского народа, прославить его уникальную природу и его верноподданнические чувства к царю, запечатлеть главные события Отечественной войны». Открывающий «Собрание...» «Гимн...» «не только задает главные риторические приемы, с помощью которых описывается и осмысливается война против Наполеона. Державин определяет в своем сочинении и хронологические границы событий, начало и конец противостояния Европы, России и Франции» [3, 168–169].

Наполеоновские войны Державин представляет в особенной поэтической логике, трудно улавливаемой в архаических поэтических стихах. В данном случае поэт обильно снабдил стихотворный текст 51 «примечанием» — и над ними активно работал, дополняя и исправляя при последующих перепечатках прежде всего их: они играли роль композиционной основы текста. В соответствии с теоретико-литературными представлениями Державина его «чувства сердца в рассуждении» об Отечественной войне выражаются в высоких стихах, а собственно *действие* — событийная канва, послужившая источником этих чувств, — в примечаниях, которые ярко делятся на три типа:

1) подлинные цитаты из Библии, переосмысленные в поэтическом тексте;

2) указание на текущие события, почерпнутые из средств массовой информации (газета «Северная Почта» или журнал «Сын Отечества»);

3) пересказ поразивших автора современных анекдотов и слухов.

С самого начала поэт вводит необычную поэтическую Музу. К стихам из первой строфы: «Возстань Тимпанница Царева, / Священно-вдохновенна Дѣва!» (1) — дается примечание: «У Давида и Соломона были хоры пѣвцевъ, между которыми и *Тимпанницы* дѣвы. Здѣсь дѣва разумѣется тоже, что Муза» (I). Между тем, «тимпан» (упоминающийся

и в Библии) был изначально греческим музыкальным инструментом, напомиавшим небольшой плоский барабан и употреблявшимся женщинами во время вакханалий. В русской поэзии этот инструмент чаще выступал как эротический символ: в стихотворении К. Н. Батюшкова «Вакханка» (1815) «нимфа юная» падает в объятия героя — «и тимпанъ подь головой»¹³. Муза, воспевающая победу в войне, оказывается родственной Музе любви — таков закон лирической поэзии.

В следующих строфах начинается поэтическое переложение Апокалипсиса (Откровения св. Апостола Иоанна). Державин обращается в основном ко второй части евангельской книги, в которой повествуется о борьбе «Змея» («Дракона», «Зверя») и «Агнца» («Ангела»). Во второй строфе дается «сигнал» сопоставления: «Подъ пепломъ въ дымѣ зрю Москву» (I). Развивая мотив противостояния, перенесенного в современность, поэт объясняет в примечании: «Здѣсь подь видомъ Агнца представляется Христіанская кротость и имѣетъ отношеніе къ тому, что Царствующій Императоръ вступилъ на престолъ подь знакомъ Овна» (I).

Кратко упомянув о захвате Наполеоном французского трона, поэт приступает к подробному рассказу о его походе на «спокойную Россию». При этом усложненные поэтические формулы тут же (в примечаниях) подкрепляются сухими газетными реляциями:

<Гимн...>

<Примечания>

Какъ рѣкъ пяти шумящихъ вдругъ / Чрезъ Неманъ прорвались преградный (5)	Наполеонъ пятью колоннами болѣ нежели въ 500.000 человѣкъ, перешелъ пограничную рѣку Неманъ (I)
---	--

Что мы (съ насмѣшкою хвалился) / Бѣжимъ его и праха ногъ (5) —	Въ письменахъ въ Парижъ и бюллетеняхъ тщеславился Наполеонъ такимъ образомъ (I)
--	---

По жатвѣ звучной, громкой славы, / Въ Петрополѣ, въ Москвѣ забавы (5) —	Нѣкоторыя Парижскія дамы по увѣренію Наполеона писали къ Петербуржскимъ Французскимъ торговкамъ, чтобъ онѣ къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ (I)
Россія внемлетъ гласъ Царя, / Зовущаго на ополченье (6) —	Манифестъ объ ополченіи 6 числа Іюля 1812 года (I)
Во храмы запустѣнны внесъ, / Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ (9) —	Смотри Сѣверной Почты № 94, статью изъ Москвы о неистовствѣ Французовъ (II)
И дома благостыни / Смердя своими надписями (10)	Слухъ носился, что Наполеонъ въ Москвѣ своими надписями богоугодныя заведенія присвоилъ своей матери (II)
А Олтари коньми / Онъ поругалъ (10)	Смотри Сѣверной Почты № 78, статью изъ Твери (II). И такъ далее.

Эти — поэтически и прозаически представленные — факты вырастают в «неестественную» историософскую антиномию: «Какъ Западъ съ Сѣверомъ сражался, / И громъ о громахъ ударялся» (11). В поэтической традиции Франция и Россия сопоставлялись либо как «благодатный Юг» — «пробуждающийся Север» («Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова), либо как «гниющий Запад» — «дремлющий Восток» (позднейшая «Элегия» А. С. Хомякова). Державин сразу же разрушает эту традицию: он исходит не из «европейской», а из «вселенской» географии. Упомянув о трех основных сражениях Отечественной войны («На Бородинскомъ полѣ страшномъ, / На Малоярославскомъ, Красномъ») (11), он дает примечание: «При сихъ мѣстахъ три славныхъ побѣды рѣшили участь не токмо Россіи и Европы; но такъ сказать, цѣлой вселенной» (II).

И тут же пишет о трудности этих «славныхъ побед»: «Тамъ рвали другъ у друга громъ» (12) («Въ реляции отъ 27 Августа видно, что батареи при Бородинѣ переходили нѣсколько разъ

изъ рукъ въ руки» (II)); «Осмь кратъ спирали градъ челомъ» (12) («Въ журналѣ о военныхъ дѣйствіяхъ отъ 16 числа Октября видно, что Малоярославецъ восемь разъ тоже переходилъ изъ рукъ въ руки» (II)). Но эта трудность соотносится с идеей *предначертанности* победы и «прогнания». Чуть ниже утверждается, что «сѣверныя силы / Всегда на западъ ужась наносили» (20) (и в примечании: «Извѣстно по исторіи, что всегда Сѣверные народы одолѣвали западныхъ, — и самъ Римъ палъ отъ нихъ» (IV)).

Затем следует новое обращение к Апокалипсису — на этот раз уже предметное. Перекладывая в стихи главы 13–18, Державин прямо соотносит бегущего от Ангела Зверя — и бегущего из России Наполеона. Следуют 9 строф с единоначатием «Бежит — и...» по типу: «Бѣжить, — и пламеннымъ мечемъ / Его въ тыль Ангель погоняетъ» (13). Картина бегства врага увенчивается серией мистических сопоставлений. Наполеон прямо называется «таинственныхъ числъ звѣрь» (18), а в примечании приводятся «исчисленія Дерптскаго Профессора Гецеля», доказывающие (двумя способами) «что въ числѣ 666 содржится имя *Наполеона*» (II).

Здесь Державин действительно увлечен мистикой, хотя и своеобразно представляемой: «Бѣжить; — но сорока двухъ лунъ / Ужъ данный срокъ на возвышеньє, / Еще пяти — на оскверненьє / Ему прошель» (17). В примечании — разъяснение: «42 мѣсяца, нѣкоторые разумѣють 42 года его, можетъ быть, политической жизни по сей 1812 годъ; а другіє, 42 мѣсяца принимаютъ въ прямомъ смыслѣ время его успѣховъ по Гишпанскую войну, и объясняютъ оныє числомъ звѣринымъ, какъ ниже видно. — Касательно же 5 мѣсяцевъ, то оныє полагають со дня вступленія его въ Россію, съ Юня по Ноябрь мѣсяць» (II). То же — в толковании апокалиптического Зверя как «сѣдмь-главаго» и «о десяти рогахъ вѣнчаннаго» (18): «Подъ главами разумѣются здѣсь семь Королей, поставленныхъ Наполеономъ, какъ то: *Неаполитанскій, Вестфальскій, Виртембергскій, Саксонскій, Голландскій, Испанскій, Баварскій*; а подъ рогами — десять народовъ ему подвластныхъ, а имянно: *Австрійскій, Пруссскій, Саксонскій, Баварскій, Виртембергскій, Вестфальскій, Италянскій, Гишпанскій, Португальскій и Польскій*, какъ въ Манифестѣ отъ 3 Ноября сего 1812 года явствуетъ» (III).

Затем наступает черед восхваления победителей, прогнавших Зверя:

Упала демонская сила
 Рукой избранна Князя Михаила.
 Сей мужъ лишь Гога могъ потрясть,
 Россію вѣрой спасти (18).

К первым двум стихам дается примечание: «Замѣчательно, что Фельдмаршалъ Кутузовъ при порученіи ему въ предводительство арміи, какъ бы нарочно, пожалованъ Княземъ, что бы сблизиться съ Священнымъ Писаніемъ; впрочемъ Онъ избранъ былъ общимъ голосомъ въ Начальники всеобщаго ополченія» (III). Ко вторым двум: «По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно благочестіе Князя Кутузова, что Онъ предъ Бородинскимъ сраженіемъ предъ Иконою Божіей Матери съ Генералами въ виду всего войска присягнулъ, чтобы ни шагу съ мѣста не отступать» (III). Победа «добльственнаго народа» объясняется прежде всего крепостью его веры, которая и обеспечила верность «предначертаннаго».

Поэт называет Париж «новым Вавилоном», который в Апокалипсисе охарактеризован как «мать блудницам и мерзостямъ земнымъ» (Откр. 17:5). Державин с удовольствием расшифровывает эту характеристику в примечании: «Развратъ, соблазнъ, нечестіе и самое безбожіе Французскаго народа, не упоминая о бывшихъ въ послѣднюю революцію, видны въ Исторіи самыхъ давнихъ вѣковъ Христіанства. Ихъ упрекаютъ, что они еще во время обладанія Готфами Гишпаніи и Франціи при Королѣ Вамбо, совокупясь съ нѣкоторымъ похитителемъ престола Павломъ Грекомъ, какъ нынѣ съ Бонапартомъ, поругали Христіанскую вѣру разными безчиніями. — Во время четвертаго крестоваго похода въ Константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ плясали съ распутными дѣвками, изъ коихъ одна припѣвала сквернословную пѣсню. — Тожъ и въ лучшіе дни своего просвѣщенія при Людовикѣ XIV въ Голландіи, какія Французы дѣлали жестокости и варварства, того безъ омерзѣнія къ нимъ, напоянуть не можно. — Потомство и о нынѣшнихъ поступкахъ ихъ въ Москвѣ не лучше отзовется» (IV).

Нечестивые деяния «нового Вавилона» наконец поколеблены православной верой: поступки русских людей нравственно противостоят ему. «И дѣти всѣ до нѣжна пола — / Суть Царски витязи у насъ» (21) — в примечании указывается, что здесь имеется в виду Никита Муравьев: «Двѣнадцати-лѣтнія даже дѣти тайно отъ своихъ родителей убѣгали въ ополченіе, какъ то, сынъ покойнаго Тайнаго Совѣтника Муравьева и пр.» (IV). Еще значимый пример: «Генераль Раевскій выводилъ впередъ на сраженіе своихъ дѣтей» (IV). И простые крестьяне показали чудеса мужества: «Когда по оклеветаніи нѣкоторыхъ крестьянъ въ убійствѣ Французовъ, приговорены они были къ казни; то они простясь между собою, выходили безъ всякой робости подъ ружейные выстрѣлы, ознаменовавъ себя только крестнымъ знаменіемъ» (IV).

Поэтому так важны и предзнаменования, и предначертанность победы, тоже подкрепленные примечаниями: «Извѣстно, что при Бородинскомъ сраженіи при осмотрѣ Россійской арміи Княземъ Кутузовымъ, виденъ былъ парящій надъ его главою орель» (IV); «Изъ реляціи отъ 23 Августа видно, что Князь Кутузовъ предсказалъ, съ котораго мѣста Наполеонъ атаковать его будетъ, и что впустивъ въ Москву, онъ его истребитъ» (IV). «Смоленскій Князь» (28) велик потому, что помнит о всегдашних русских победах на «Москвѣ, Непрядвѣ и Полтавѣ», что верен «Петру, Пожарскому, Донскому», что учили его великие «Рымникской, Таврской, Задунайской» (27). Под стать ему и сподвижники: Витгенштейн («Въ одномъ донесеніи Графа Витгенштейна видно, что легче ему было побѣждать Французовъ, нежели отъ нихъ ретироваться» (V)), Платов («Ни кто столько не безпокоилъ Наполеона, какъ сей Генераль своими козаками, такъ что Французы названія ихъ боялись» (V)), покойный Багратион («Почтимъ Багратионовъ прахъ, — / Онъ живъ у насъ въ сердцахъ!» (28)).

Первый стих «Гимна...» — вариация на тему последнего стиха Апокалипсиса (и, соответственно, финала Библии): «Благословенъ Господь нашъ, Богъ!» (1). Последний стих — «Какъ пѣлъ я трехъ Царей» (34) — выглядит как итог творческого пути престарелого поэта. Он пел «трех царей» (в их числе и «юного царя», рождение которого когда-то

приветствовал) — но даже в подобных «гимнах на прогнание» думал прежде всего о счастье мирного народа:

И изъ страны Россійской всей
 Печаль и скорби изженутся,
 Въ ней токи крови не прольются,
 Не кануть слезы изъ очей;
 Отъ солнца пахарь не сожжется,
 Отъ мраза бѣдный не согнется;
 Сады и нивы плодъ дадутъ,
 Моря чрезъ горы длань прострутъ,
 Ключи съ ключами сожурчатся;
 По рощамъ пѣсни отгласятся... (33)

Показательно, что по мере приближения к финалу «Гимна...» резко меняется и тон Державина, и его стиль, и стих. Исчезают примечания: автору уже не нужно корректировать поэтические конструкции деловой прозой. Исчезают ритмические перебивы: взволнованное размышление как будто успокаивается. В самом деле — завершилась разорительная война; завершилась «прогнанием» Зверя: «И симъ ужаснымъ бѣдствомъ Россъ / Еще превыше взросъ» (24).

«Всѣ будет хорошо!» — как бы восклицает поэт, заключая в этом призыве настроения русского человека в конце 1812 года. «Вновь внійдетъ благолѣпье въ Храмы», «Скорбей прогонять нашихъ тѣни», «...градовъ всѣхъ русскихъ мать / Москва, по прежнему возстанетъ» (32). К монарху — Агнцу, победившему Зверя — «прострутъ ихъ длани» «Югъ, Западъ, Сѣверъ и Востокъ» (31). Вот заживем!.. А старцу поэту останется вверить свои «ветхи струны» будущим счастливым «младымъ пѣвцамъ» (34).

Таким образом, последний «из Гимнов Гимн прямой» Г. Р. Державина вовсе не кажется таким уж бессмысленным «маразматическим» сочинением, каким его увидели молодые «арзамасцы». В сущности, «старик Державин» проводил своего рода поэтический эксперимент, разрабатывавший значимые литературные приемы. Их можно свести к трем основным:

1. Разработка поэтики корректировки «высокого» лирического высказывания «деловой прозой» примечаний.

Державин и раньше ощущал необходимость восприятия собственного творчества в контексте «особых замечаний» — и потому озаботился появлением позднейших «Объяснений на сочинения Державина», «Ключа к сочинениям Державина» и пр. От этих замечаний *post factum* примечания в «Гимне...» отличаются тем, что рассчитаны на *одновременное* восприятие события, представляющего и в «газетном», и в художественно осмысленном ракурсе. При таком восприятии событие предстает особенно объемно.

2. *Поэтика волнения* при поэтическом осмыслении события, происходящего, что называется, прямо на глазах. Отметим, что державинский «Гимн...» оказался, в сущности, *первым* художественным произведением, отразившим события «двенадцатого года»: нашествие Наполеона, оборона Смоленска, Бородинское сражение, сдача и пожар Москвы, битва под Малоярославцем, отступление Великой армии, Красное, Березина... Поэтическое осмысление создавалось как будто *одновременно* с событиями — и невозможно было осмысливать их эпически-спокойно, без взрывов и ритмических перебивов. В этом отношении «Гимн...» оказывается родственен, например, ораторской прозе манифестов А. С. Шишкова.

3. *Поэтика сопряжения* «сиюминутного» авторского текста — и «вечного» текста Евангелия. Именно сопряжение перипетий «прогнания французов из Отечества» с деталями Откровения св. Апостола Иоанна (Апокалипсиса) призвано подчеркнуть главную идею: итоговая победа русских над Великой армией Наполеона была *предначертана* еще в последней книге Священного Писания. Поэту остается только доказать эту «предначертанность» — что он и делает, используя для этого все доступные ему средства (даже и неожиданный и в общем-то чуждый Державину мистицизм).

Державин до конца жизни оставался экспериментатором — и заявленные им в «Гимне...» лирические эксперименты не пропали втуне. Они были востребованы — правда, лишь через сто лет: во многих образцах русской поэзии Серебряного века.

Примечания

- ¹ Гимнъ лиро-эпическій, на прогнаніе французовъ изъ Отечества 1812 года. Во славу Всемогущаго Бога, Великаго Государя, вѣрнаго народа, мудраго вождя и храбраго воинства Россійскаго. Посвящаетъ Державинъ. Санктпетербургъ: Въ Медицинской типографіи, 1813. [2], 34, V, [1] с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² См.: Вѣра, вѣрность и терпѣніе суть главныя свойства россиянь (Выписка изъ новаго творенія Гавріила Романовича Державина) // Русскій Вѣстникъ. 1813. Ч. 1. № 3. С. 20–25.
- ³ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. Вып. 1. С. 4–5.
- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ Там же. С. 9.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Державин Г. Р. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1984. С. 245.
- ⁸ Словарь Академіи Россійской. СПб., 1790. Ч. 2. Ст. 697.
- ⁹ Державин Г. Р. Избранная проза. С. 275.
- ¹⁰ Там же. С. 277–278.
- ¹¹ Там же. С. 280. См. также: 275, 277–279.
- ¹² [Остолопов Н.] Словарь древней и новой поэзіи, составленный Николаемъ Остолоповымъ, Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ: въ 3 частяхъ. Санктпетербургъ: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1821. Ч. 1. С. 454.
- ¹³ [Батюшков К. Н.] Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова. СПб., 1817. Ч. 2. С. 175–176.

Список литературы

1. Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. — М.: НЛО, 2007. — 448 с.
2. Арзамас: Литературный кружок в Петербурге, 1815–1818 гг.: сб. в 2 кн. / сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуρο и др.; под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. — М.: Худож. лит., 1994. — Кн. 1: Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы. — 605 с.
3. Гузаиров Т. Становление поэтического канона официальной истории: «непамятные» события в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 6 (118). — С. 168–177 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2898>.
4. Грот Я. Жизнь Державина. — М.: Алгоритм, 1997. — 368 с.
5. Коровин В. Л. Державин и 1812 год: О смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнаніе французов из отечества» // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2012. — Т. 71. — № 6. — С. 42–52.

6. Коровин В. Л. Как «старик Державин» лиру передавал (о «младых певцах» и «юном царе» в «Гимне лиро-эпическом...») // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). — Великий Новгород, 2016. — С. 84–97.
7. Кошелев В. А., Кошелев А. В. Г. Р. Державин в жизни и творчестве. — М.: Русское слово, 2010. — 176 с.
8. Проскурин О. А. Имя в «Арзамасе» // Лотмановский сборник. — М., 1995. — Т. 1. — С. 353–364.

Vyacheslav A. Koshelev

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Novgorod the Great, Russian Federation)*

anatoly.koshelev@novsu.ru

THE HYMN “FOR THE DRIVING AWAY” OR “THE APOCALYPSE TO OFFER” (about late G. R. Derzhavin’s poetics)

Abstract. The article is dedicated to one of Derzhavin’s later works, “A Lyrical and Epic Hymn about Forcing the French away from Our Motherland in 1812”. The author himself considered this gigantic (646 lines!) poetic essay, where Napoleon’s intervention was associated with the arrival of the Antichrist, to be essential in the context of his works. However, the younger poetic generation saw it as the sign of his “senile imbecility” crowned by his creative glory. Hymn’s structure was indeed original: Derzhavin metaphorically retold the revelation of St. John in verse and corrected it just the same time in 51 prosaic comments where he referred to the current events taken from the media and anecdotes. All that, as a whole, created a particular unity that had a certain impact on the reader. Derzhavin conducted a sort of experiment of elaborating essential literary instruments such as: poetics of improving an “exalted” lyrical statement by means of the remarks in a “business style”; poetics of excitement through the poetical understanding of an event; poetics of correlation of an “up-to-the-minute” author’s text with the Eternal text of Gospel. Later, these literary instruments became popular and were used in Silver age of Russian poetry.

Keywords: hymn, Patriotic war, beast, Michael the Archangel, patriotic motives

References

1. Al’tshuller M. *Beseda lyubiteley russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofilstva* [A Dialogue Between Admirers of Russian Language and Literature: At the Origins of Russian Slavophilism]. Moscow, NLO Publ., 2007. 448 p.
2. *Arzamas: Literaturnyy kruzhok v Peterburge, 1815–1818 gody: sbornik v 2 knigakh* [Arzamas: A Literary Circle in Saint Petersburg in 1815–1818: Digest in 2 Books]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994, book 1. 605 p.

3. Guzairov T. Stanovlenie poeticheskogo kanona ofitsial'noy istorii: «nepamyatnye» sobytiya v «Sobranii stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu» [Formation of a Poetic Canon of Official History: “Insignificant” Events in the Collection of Poems Related to the Unforgettable Year of 1812]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 6 (118), pp. 168–177. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/2898>.
4. Grot Ya. *Zhizn' Derzhavina* [Life of Derzhavin]. Moscow, Algoritm Publ., 1997. 368 p.
5. Korovin V. L. Derzhavin i 1812 god: O smysle i kompozitsii «Gimna liro-epicheskogo na prognanie frantsuzov iz otechestva» [Derzhavin and the Year 1812: About Meaning and Composition of “The Lirical and Epic Hymn About Forcing the French away from Our Motherland”]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletins of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language], 2012, vol. 71, no. 6, pp. 42–52.
6. Korovin V. L. Kak «starik Derzhavin» liru peredaval (o «mladykh pevtsakh» i «yunom tsare» v «Gimne liro-epicheskome...») [How the Old Man Derzhavin Passed on His Lyre (About “Young Singers” and “The Young Tsar” in “The Lirical and Epic Anthem...”). *Novgorodskiy Derzhavinskiy sbornik (K 200-letiyu so dnya smerti poeta)* [The Novgorod Derzhavin Digest (To the 200th Anniversary from the Date of Death of the Poet)]. Novgorod the Great, 2016, pp. 84–97.
7. Koshelev V. A., Koshelev A. V. *G. R. Derzhavin v zhizni i tvorchestve* [G. R. Derzhavin in His Life and Creativity]. Moscow, Russkoe Slovo Publ., 2010. 176 p.
8. Proskurin O. A. Imya v «Arzamase» [A Name in “Arzamas”]. *Lotmanovskiy sbornik* [The Lotman Digest]. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 353–364.

Дата поступления в редакцию: 30.05.2016